

Звезда шила занавески, чертыхаясь, когда игла попадала не туда, куда ей предназначалось. Портнихе все время старалась помочь шестимесячная пуделиха Долли. Убедившись наконец в несъедобности занавесок, она переключила свое внимание на торт, который неожиданно оказался на столе.

— Все, перерыв, — облегченно вздохнув, произнесла звезда: — Долька, брысь под лавку, проказница!

Относиться надо ко мне бережно, чтобы не уронить и, не дай Бог, разбить...

В последнюю фразу она вложила столько победного юмора, что можно было не сомневаться в благополучном исходе фарфорового периода четы Удаловых.

— А с чего все началось?

— С пирогов с яблоками, — смеется Ирина. — Ой, история была. Попросил он приятеля-мотоциклиста подвезти ко мне домой. Жду... Нету и нету. Забеспокоились мы с мамой. Побежали искать. Нашли... В больнице. Прорвалась я в палату, а он, голубчик, весь в бинтах, зеленой перемазанный. Колесо у них, видите ли, лопнуло... А мне ухаживая, передачи носи. Вот так и доухаживалась. Он предложил мне стать его женой. Наверное, побоялся остаться без пирогов с яблоками, которые я ему регулярно таскала в больницу. Это уж потом он узнал, что пироги готовила не я, а мама. Но было уже поздно, и Юра быстро понял: не в пирогах счастье. Верно, Юра?

Юра тем временем что-то буравил дрелью в другой комнате и не слышал рассказа жены, однако на вопрос, заданный в ином интонационном ключе — громко, ответил на всякий случай: «Верно, Ирочка, верно».

...Рядом с Самотекой, на взгорке, недавно поднялся симпатичный, из розоватого кирпича дом. В нем и получили квартиру Удаловы. Так что про занавески и дрель я упомянула не для «оживляжа». Ну, а все новоселы одинаковы. Даже если ты — ведущее драматическое сопрано Большого театра. И к тому же если позади — несколько лет наемных комнат и общепитие.

— Юра, у нас с тобой, оказывается, фарфоровая свадьба. Хрупкая, значит.

— Жизнь давно меня научила радоваться тому, что имеешь, и не сожалеть о том, что тебе не досталось...

Я гляжу на Ирину. Милое сероглазое создание, а рука крепкая, работающая, сильные плечи. Говорит четко, уверенно. И совсем не потому, что изрекает прописные истины, а потому, что все думано-передумано, осмысленно прочертилось в некие житейские нормы. Обстоятельства лепят характер. Судьба словно специально постаралась и подбросила Ирине Удаловой такие обстоятельства, что она теперь одинаково верит и в свои силы, и... в случай.

— Что поделать, ну нет у нас министерства талантов! Нет и не будет. И потому не обольщаться надеждой, а все — сама, сама, сама...

О том, как Удалова попала в Большой театр, можно было бы целый фильм создать. Вот только никто его не примет: очень уж он походил бы на произведение закрытого за ненадобностью соцреализма. Семья военного, трудное детство, мотание по стране, самостоятельность, музыкальное училище, институт искусств, провинциальный театр. Все, как у многих. Неинтересно. Но вот однажды...

— На конкурсе имени Глинки в Таллинне я два тура прошла, перед третьим... остановили. И тут меня подзывает сама Ирина Архипова: «Знаете, вы мне понравились. Большому нужны хорошие голоса, оставьте свои координаты...» От счастья я не чуяла ног. Большой! О нем я всегда мечтала, как о сказке, в которой не я была действующим лицом. Неужели повезло и меня вызовут в Большой на прослушивание?!

...Не получилось у молодой, необычайно талантливой певицы счастливого продолжения неснятого фильма. Соцреализм суров и требовал побольше препятствий на светлом пути. Удалова добросовестно принялась ждать телеграммы. Но — то ли о ней и не вспомнили, то ли почта тогда работала еще хуже — вызова она не получила.

— Узнала как-то от приятельницы, что в понедельник в Большом состоится прослушивание. Узнала в четверг. Меня как током поразило: все, это мой последний шанс! Ведь после Таллинна прошло несколько лет. Правда, за это

время я отпела в Ашхабадском оперном все главные партии репертуара (причем часто моим партнером был Юра — он у меня тенор). Татьяна, Чю-Чю-Сан, Микаэла, Земфира, Амелия, Иоланта... Опыт появился, вокальная уверенность. Но ведь тебе, девочка, уже 34 стукнуло, забудь о Большом — повторяли хором все мои внутренние голоса. А я не послушалась. Махнула на все — и без документов, характеристики, направления из театра, никому не сказав, отправилась в Москву.

И что? Поздний вечер. Впереди — два выходных, а я в незнакомой Москве, у черта на куличках, сижу на скамейке во дворе и с облегчением вспоминаю, что в два ночи есть рейс на Ашхабад. Успею до аэропорта добраться... А вот дальше все действительно разворачивалось, как в добрых старых фильмах.

— А как вы оказались именно у «черта на куличках»?

— Так ведь свободных мест в московских гостиницах никогда не бывало. Ни тогда, ни сейчас. Оставался у меня на самый крайний случай адресок одной знакомой. Приехала к ней после многочасовых безуспешных скитаний по гостиницам. А знакомой-то и нет, уехала к сыну. Когда вернется, не сказала. Соседка мне это объяснила и порекомендовала подождать... Скамейка, ночь, аэропорт. И тут спускается соседка. «Переночуйте, — говорит, — у меня, а там видно будет». Накормила, напоила, выслушала мой сбивчивый рассказ. А спустя два дня в 10.00 я была у подъезда № 15 Большого театра...

...Вы, читатель, конечно, подумали, что Ирина Удалова покорила комиссию и была принята в труппу. Ан нет!

— Еще несколько лет тому назад в главной опере страны всем заправляли несколько очень известных артистов, которые и решали, кому быть на сцене Большого, а кому — нет. «Что вы, милочка, в таком возрасте мы в театр не берем...» В общем, вакансий для меня нет. Если уж очень хочу, то могу попробовать себя в стажерской группе. Или придется собрать чемодан и возвращаться в свой Ашхабад, а там ждать вызова. Но меня телеграммой уже нельзя былокупить. Нет, нет! Готова идти в стажерскую группу, готова

петь что угодно. Мне потом сказал один добрый человек: «Ваше счастье в том, что вы соглашались с любыми условиями...»

Удалова начала выступать в Большом. Почему-то считалось, что лучше ее никто не исполнит роли мамок, нянек, санных девушек. И она их пела, собрав нервы в комок, отгоняла нерешительность, твердя себе: ты все равно самая лучшая, ты своего добьешься! А в получку — 150 рублей, и вся жизнь уложились в два пункта: Кузьминки — театр, театр — Кузьминки (там она снимала комнату). Какой же силой воли обладала Удалова, чтобы победить! Характерное признание сделал тот, кто еще совсем недавно тормозил ее приход в Большой: «А ведь могло случиться, что мы потеряли бы такой голос!»

Это сейчас и порядки, и

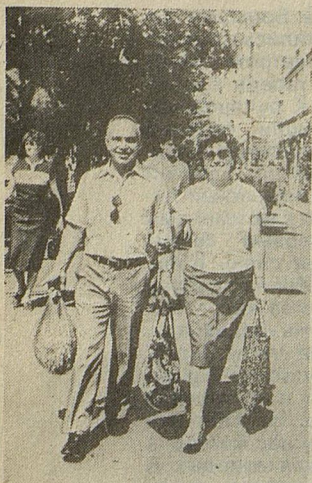
атмосфера в Большом заметно изменились к лучшему. Теперь театром правят не звезды, теперь правит творчество. К руководству оперой пришли главный дирижер Александр Лазарев и директор Евгений Райков (сам известный певец). Именно с их именами связан массовый десант молодежи на сцену Большой оперы. Ирина Удалова не без кокетства жалуется:

— Молодежь «задавила». Очень хотела спеть Маргариту в «Фаусте», пушкинскую Татьяну в постановке Покровского. Нет, нет, говорят, ты ж у нас мастер, а эти роли — для молодых. А ведь, честно говоря, среди молодежи пока не видно тех, про кого можно было бы воскликнуть: «Ах-ах!». Ну, два-три. «Ах-ах» — редкое явление. Вот иногда и промахи прощают, недостатки в голосе, интонации.

ЯРОСЛАВНА ИЗ ПОДЪЕЗДА № 15

сцарушка 9

Я не бурчу, а добра им желаю, ответственности, гордости за то, что поют на сцене Большого театра.

Меня всего лишь пять лет тому назад перевели из стажеров в труппу. Это совпало — и я вижу в этом добрый знак — с приходом в качестве главного дирижера Александра Николаевича Лазарева. Он сразу назначил меня на роли Лизы в «Пиковой даме», Иоанны в «Орлеанской девице», Веславы в «Младце», Февронии в «Граде Китеже», привлек к концертным исполнениям «Князя Игоря», «Алеко». Вместе с ним Лазарев необычайно строг, он беспощаден к ошибкам, казалось, совсем малозаметным. Но, с другой стороны, нам, певцам, дышать стало легче. Александр Николаевич во время репетиций, спектакля идет за певцом... Он, он, — Ирина на мгновение замешкалась, подбирая точное слово, и нашла его: — Он любит певца. Но делает это незаметно. А сколько в моей жизни было дирижеров, которые требовали, чтобы артист смотрел только на него. Причем благоговейно...

— У вас самые сложные партии. Их много. О чем еще может мечтать певица?

— Да мало ли ролей, которые я хотела бы исполнить именно в Большом! Моя одевавшаяся говорит: «Что вы, Ира, волнуетесь? Места в театре всем хватит, недаром он — Большой». Она права, места хватит. Вопрос в том, какое оно будет. А впрочем, мне грех жаловаться. Готовлюсь к премьере «Князя Игоря» (я — Ярославна), премьере необычной и для меня, и для труп-

пы. Она состоится в Италии в декабре. А уж потом, весной будущего года, в Москве...

Разговор переходит на большую для нашей жизни тему — отток лучших творческих сил за границу. В Большом театре месяцами не увидишь тех, кто составляет его славу. Молодежь, как может, тянется, но — где образцы? А может, этот процесс нормальный и никакой трагедии нет?

— Скорее всего, так и есть. Люди едут на Запад работать. И зарабатывать. Мы ведь бедные, хотя работать умеем. А «там» умеют ценить труд. Хотя психологически все гораздо сложнее. Для меня, например. Долго на гастролях быть очень тяжело, домой тянет неимоверно. К маме, к друзьям, к занавесочкам (смеется). Может, я банальности говорю, но такая уж у меня натура.

— А что вы могли бы сказать о зарубежном зрителе? Мне недавно посчастливилось побывать в Большом. Поразила «импортная» публика, особенно молодежь. Ведут себя довольно развязно, одеты нарочито небрежно — джинсы, свитеры, кроссовки, на плече рюкзак. Копья только не хватает и набедренной повязки...

— Да, это ужасно. Я испытываю унижение за наш театр. Не понимаю, почему дирекция мирится. Ведь существуют же правила приличия. Попробовали бы они появиться в таком виде в «Ла Скала» или «Метрополитен-опера». Да их на порог бы не пустили. Почему у нас можно? А вообще советских артистов за рубежом зрители хорошо принимают. У них восторга больше, чем у нашей публики. Наверное, потому, что проблем гораздо меньше...

Удалова замолчала, взгляд ее помрачнел, и без видимого перехода она заговорила о Бендерах, городе, в котором она жила, где живет и сейчас ее мать.

— Мы жили бедно, а мне все советовали заниматься музыкой. Пианино — вещь дорогая, денег хватило на маленькую скрипочку. Вот и пиликала. Ради самостоятельности пошла работать на Бендерский шелковый комбинат — там Дворец культуры хороший. Ученица лаборантки. Белый халатик. Поступила даже в заочный текстильный техникум... Судьба по-другому распорядилась. И вот узнаю: в моих Бендерах стрельба. Кошмар какой-то! Мать немедленно привезла сюда, а она вскоре

обратно запросилась: квартира, огород, виноград засохнет — надо ехать, ехать. Голос-то, между прочим, у меня от мамы...

— Вы довольны собой?

— Что вы! Я ведь в декабре родилась, и все у меня в жизни позднее, всюду я опаздывала, включая главную свою мечту — Большой.

— А какие вы в себе качества цените?

— Те, которых нет. Вернее, те, которых мне в жизни не хватает. Я не могу прийти, ударить кулаком по столу, настоять на своем. Терпеть не могу скандалов. По натуре я сдержанный человек. Иногда это путают с высокомерием: вот, мол, гордышка.

— Насколько я знаю, для того, чтобы петь, нужна немалая физическая сила. Солист за спектакль терпит до двух килограммов... Вы боретесь с весом?

— Да уж. К режиму отношусь очень серьезно, хотя, между нами говоря, страдаю. Действительно, после спектакля есть хочется страшно. Себя не переборешь — весы быстро накажут. И что у нас, певцов, за жизнь такая! Ни холодного, ни горячего, ни острого, ни горького...

Сплошные жертвы. Шампанского глоток только в особо торжественных случаях... Долька, ты свой кусок получила. Будь умной девочкой, не распускайся.

Пуделиха лукаво взглянула на хозяйку и с веселым рычанием вцепилась в палку, которая для нее была, видимо, важнее торта.

Лариса НИКОЛЕВА.

P. S. Когда Петр Ильич Чайковский сочинил «Орлеанскую деву», то его очень волновал вопрос об исполнительнице главной роли. «Для партии Иоанны, — писал он, — нужна певица с громадным голосом, с сильным драматическим талантом. Где и когда я найду сочетание этих требований в одном лице?» Дирижер-постановщик оперы Александр Лазарев дал эту роль Ирине Удаловой. Может быть, с ее помощью он захотел ответить на вопрос великого композитора?

Фото
Ростислава ФЕДОРОВА.